

Юрий Крылов

О том и около того

Издатель, поэт, переводчик. Родился в Москве, детство провел на Урале. Учился, занимался спортом, в положенный срок ушёл в армию. Там задержался, комиссовали. Далее МГУ, Оксфорд, эмиграция. Работает редактором.

* * *

Но ты собой не обогреешь неба.
Гореть звездой – потайная измена.
В Париже снег – очередная небыль,
Но на бульварах по колено Сена.

Но я давно не поднимаю веки –
Не одолеть и бездны между ребер.
Я жил Парижем в том, двадцатом веке,
А в нынешнем живу, пока не помер.

Живу, пока земное не отринул.
Я твой огонь небесный отражаю.
Я вынес груз стихов и кокаина –
Зеркальный столик с патиной по краю.

Я тот, прошедший, в прошлом веке умер,
А в этом, вероятно, не родился.
Небесная тревога – нежный зуммер –
Упал метеорит – и я разбился.

Но ты мои нанизывай осколки...
Я мозаичен, правда, мозаичен.
И если вдруг уколешься иголкой –
Знай, это я, – в мельчайшем из обличий.

И тщетно врачевание укола...
Сорвешь обои, переставишь мебель.
Все холод, милая, вокруг небесный холод,
И все горят огни в холодном небе.

* * *

Мы с ним лежали в одном гробу, он был теплее меня.
Я был живей чем живая земля, холодней чем змея.
Мы были богаты одним окурком. Нормально, центурион
Юрка.

Мы с ней скакали в одном седле, она от дрожи дрожала.
В муркин глаз погрузил кинжал, проверил свойства метала.
Мы с ним кочумали в одних местах, для жизни – не очень.
хлеб – белый камень, вода – металл, короче – не Сочи.
Он надо мной на колени встал, постелил свою бурку.
Не лёд убьёт – поющий песок. С песком осторожней,
Юрка.

Мильёны тонн километров песка, в Сибири медведи пали.
Волки похожие на туман по нам уже простенали.
Нас лебедями встретил Урал, новая мурка.
Товарищ пал. В песок. Прошептал. Нас меньше вдвое,
Юрка.

* * *

Вот я стою по горло полный водкой.
Встал на носки, качнулся и затих.
Я – женские тела плывут как лодки.
Я – сам слегка заглядываю в них.

Я переживший многия уроны,
Зачем лукавить, так оно и есть.
Я – голуби летят над нашей зоной.
Я – дервиши танцующие месть.

Смотрю на все изрядно изумленно:
К чему в твоей руке моя рука.
Мы голуби, летим над нашей зоной
Несносные, как песня моряка.

Я, всё равно какому Богу веришь.
...Я не банзай, я даже не акме.
Я всё равно что... – Христианский дервиш,
Я босиком танцую по зиме.

От глаз к плечам я не вожу рукою.
Мой аналой, как будто бы везде.
Я не в тебе. Я точно не с тобою,
Я дервиш, я танцую на воде

* * *

Падал снег на Ленинский проспект
Божий сахар в черный чай дорог
дворники двенадцать человек
паковали сахарный песок.
Песню азиатских моряков
бредил апельсиновый киргиз:
«Я нарушу Город-Городов
над которым бэлый тма павис,
наловлю нежнейших белых скво
в губы дам салатовой гашиш.
В животах размноженное "0"
Разорвет броню имперских крыш».
Имена киргизских кораблей
бредил азиатский адмирал,
и дремала кровь еще нежней,
и по снам стекала на Урал.
«Божечка, Аллаха упроси
чтобы стал как ангел управдом» –
Так его молиться научил
город Двух – Гоморовый Содом.
«Я нарушу Город-Городов
заведу улус Поля-Полей -
Харе-Амен».
И кусал потом
В горло этих русских голубей.
«В ваша двор пописать забежал
с пятою неразвитой ногой –
не собачка добрый, не шакал,
я не ваша – потому живой».

Снег не падал и не долго жил,
утром, апельсиновый конвой
с улиц Кали-Югу выводил
белою березовой метлой.

* * *

Переведи меня на языки.
Переложи рукой в другую руку.
Черти слова, круги, значки, крюки,
я буду оставлять следы, как уголь.

Переведи меня. И доведи
до белого каленья, моря, света.
Из нор окопов в белые дожди, переведи,
чтобы остаться где-то.

В каких-то сопках, разрывая рот,
выкрикивать какие-то банзаи,
чтоб всадники какие-то связали,
и увезли в какой-то сраный порт.

Чтобы там жить. И никогда не помнить
язвленных в кровь и гной распухших членов.
Чтоб испытали привязав к колонне,
и почему-то называли пленным.

Чтобы идти в пыли в конце колонны,
считать затылки и татуировки –
мечи, кресты, японские драконы...
Ведет меня Георгий на веревке.

Переведи про всадников в тумане,
ремень на шее – дернул, и готово.
Что бездыханным телом на аркане,
писали слово.

Алым

Крест хранит от пули кипа от божьей длани.
К коням ямщик угрюмый привязывает сани.
Подальше по пороше подальше от параша
не греет волос волчий – согреюсь на Параше.
Прасковья, Прасковья – все буквы синей ночи.
На супостата-змея Сент-Джордж копышко точит

стратегия у Жоры – животное замочит.
Живота не жалко. Большак полозья точит.
Я Африки не встретил читая Гумилёва.
Сирина накуковала на призрак брата Вовы.
Рандолевыя зубы у брата и у птицы.
Сирина накуковала: в холодную садиться.
Вольно мне между Вовой и Никой Гумилёвым
на арестантской мове не говорённым словом
всё ямщику толмачить: брателло сделай новой
мне кровь.
Бежит – как скерцо – к последнему Централу
По синему от сердца да алым алым алым.

* * *

1

Гранатометчик Йохан Штирлиц,
Он и горнист, и барабанщик,
Он по полдня сидит на мачте,
Спускаясь только чтоб напиться.
Ему кричат: «Напился, ****ь, – и не блевать!»

Вокруг него одни квадраты –
В квадратах воздух и добавки, –
Жрецы, гетеры, адвокаты,
Медведь в тайге, козел на травке.

Гранаты туго входят в пушку..
Гранатометчик Штирлиц Йохан
С прицелом совмещая око
Наводит дуло на кукушку.
– Ты сколько насчитала, ****ь? - Пересчитать!

Он джигу исполнял на флейте
(Хотя и был слегка контуженным).
Его мундиры в позументе,
А шея под брабантским кружевом...

Открыл секрет продленья жизни
Гранатометчик Штирлиц Йохан.

Ему, конечно, выйдет боком –
Придется жить при коммунизме.
– Ошибся в вычислениях, ****ь,
Когда просил пересчитать.

Его в пыли потом пинали,
Топтали пятою колонною...
Его в дорогу закатали
Под Костромю? Под Коломною?

За что? – Не знаю, хоть убейте.
За то, как он играл на флейте?

2
Он едет по проселочной дороге,
Дымит кубинской черною сигарой.
Колеса едут, каблуки и ноги
Идут, через Поволжье в Ниагару.

А остального будто бы и нету,
Всё то, что выше, то не для пространства.
Скелет, к его пришипленный берету, –
Единый знак любви и декаданса.

Простой гранатометчик Йохан Штирлиц
Еще не знает ценности отрезков,
Глотает без икоты крылья мельниц,
Быки мостов, прель-прелесть перелесков.

Он одинок, он проливает семя,
Трава ложится от тяжелых капель,
А что ему? Что может, то и сеет...
Его румянец красит крылья цапель.

Здоровый, юный, не бомбивший мира
(Его потом напишут на иконах).

Идет гранатометчик Йохан Штирлиц,
Веселый родственник печального Харона.

3

Пятый день, пятничка. Пахнет римской Пасхой,
Лихом и дьяконом, светом в ординатоской.

Пятничка, пятый день. Запахи сбываются.

Мальчики падают и не расшибаются.

Крестиком пластыри – пастыри и зодчие,

Метки квадратиком – все в гранатометчики.

Круглою меткою скрыто пол-Империи,

Это мы в атласе расстоянье мерили...

День пятый, пятничка. Грязный след от пластыря...

Чем различаются зодчие и пастыри?

Пятница, пятое. Копья, колья, колики.

Гранатометчики – значит алкоголики.

Пятое, пятница. Пахнет Пасхой римскою,

Красною краскою, пленом, обелисками.

Бомбы останутся у гранатометчиков...

Пастырям – зодчие, зодчим – пулеметчики...